

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Кафедра археологии, этнографии и музеологии

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ВЕРХНЕМ ПРИОБЬЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ
РЕГИОНАХ В КОНЦЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Барнаул
2008

ББК 63.48(2Рос-4Алт)я43+63.442.6(253.3)я43
УДК 902(571.150)“637”
Э 916

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин**;
кандидат исторических наук **Д.В. Папин**;
кандидат исторических наук **А.С. Федорук**;
кандидат исторических наук **А.Б. Шамшин** (отв. редактор)

Э 916 **Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы** : сборник научных трудов / отв. ред. А.Б. Шамшин. – Барнаул : Концепт, 2008. – 168 с.: илл.

ISBN 978-5-91556-013-9

В сборнике научных трудов публикуются статьи, посвященные новым результатам исследований памятников эпохи поздней бронзы и переходного времени в Верхнем Приобье и сопредельных территориях. Рассматриваются новые подходы к изучению этого периода.

Издание рассчитано на археологов, этнографов, антропологов, культурологов, музеологов, а также на широкий круг исследователей, занимающихся изучением народов юга Западной Сибири и сопредельных территорий.

ББК 63.48(54)я431

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке гранта РГНФ №07-01-00527а «Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы и проблема формирования протогородской цивилизации на юге Западной Сибири» и проекта Совета по грантам при Президенте Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых и ведущих научных школ НШ-5400.2008.6 «Создание концепции этнокультурного взаимодействия на Алтае в древности и средневековье».

На обложке: вид на поселения эпохи поздней бронзы Жарково-1 и 3 (фото Д.В. Папина)

ISBN 978-5-91556-013-9

© Алтайский государственный университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	4
Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин, А.С. Федорук ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЖАРКОВО-3	5
С.А. Ковалевский, А.М. Илюшин КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ПОСЕЛЕНИЯ САРАТОВКА-6	18
И.П. Лазаретов, А.В. Поляков ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ	33
Л.Н. Мыльникова, И.А. Дураков ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПЛОЩАДКА ПОСЕЛЕНИЯ БЕРЕЗОВЫЙ ОСТРОВ-1	56
А.В. Полеводов К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИИРТЫШЬЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ – КАНУН РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА (по материалам курганного могильника Боровянка-XXVII)	69
С.Ф. Татауров, О.С. Шерстобитова ГОРОДИЩЕ АЛЕКСЕЕВКА XIX И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО СООТНОШЕНИЯ КРАСНООЗЕРСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ	78
М.В. Титова, Т.Н. Троицкая К ВОПРОСУ О СВЯЗИ МЕЖДУ ЕЛОВСКОЙ И ИРМЕНСКОЙ КУЛЬТУРАМИ	92
А.А. Ткачёв, Н.А. Ткачёва УКРЕПЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ БАРАШКИ I	102
Т.Н. Троицкая, Т.В. Мжельская КЕРАМИКА ЗАВЬЯЛОВСКОГО ТИПА В НОВОСИБИРСКОМ ПРИОБЬЕ	115
Ю.Ю. Тырышкина ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ИРМЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ	122
А.С. Федорук, А.Б. Шамшин, Д.В. Папин ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ФИРСОВО-ХVIII	125
Й. Шнеевайс КУЛЬТУРНАЯ ОБСТАНОВКА НА РУБЕЖЕ II–I ТЫС. ДО Н.Э. В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА КЕРАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ПАМЯТНИКА ЧИЧА-1	144
Сведения об авторах	161
Резюме	163

ОТ РЕДАКТОРА

Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу на юге Западной Сибири – динамичные, многоплановые и непросто реконструируемые исторические периоды. Несмотря на значительное количество материалов, собранное по ним за длительное уже время изучения, далеко не все введено в научный оборот, что затрудняет знакомство с ними исследователей. Да и сами эти материалы не равноценны. Здесь представлены как результаты многолетних раскопок многих, в том числе и базовых, памятников, так и разведочных работ разного уровня. В результате изученность рубежа бронзового и железного веков в регионе остается пока недостаточной.

Более полувека назад, в 1955 году Н.Л. Членова выделила на юге Западной Сибири новую культуру поздней бронзы – ирменскую, которая через определенное время была принята исследователями, и сегодня прочно вошла в арсенал археологов, изучающих бронзовый век региона. За прошедшее время было открыто и изучено много новых ирменских памятников, как поселений, так и могильников, что делает сегодня эту культуру одной из наиболее исследованных в рамках данного периода.

Наряду с этим широко изучались и другие частично синхронные культуры: андроновидные – сузгунская, еловская, корчажкинская, которые существовали в этом же регионе, а также культуры сопредельных территорий: карасукская и лугавская в

Минусинской котловине и саргаринско-алексеевская в степном Обь-Иртышье и прилегающих районах современного Казахстана. Кроме того были получены обширные и разнообразные материалы по переходному времени от бронзы к железу.

Все это, с одной стороны, делает все более сложными историко-культурные реконструкции древнего прошлого региона в эпоху поздней бронзы и переходное время, а, с другой стороны, делает актуальным как публикацию значительных накопленных источников, так и обсуждение в печати новых гипотез, реконструкций и экспертных оценок изучаемых периодов.

Достижению именно этих целей и посвящен данный сборник. Формируя его, мы отдавали предпочтение как раз либо новым ранее не опубликованным материалам, либо новым подходам в их интерпретации. Отказавшись от первоначальной идеи обобщить материалы только по ирменской культуре, мы посчитали полезным рассмотреть культурно-исторические процессы на более широком культурном, территориальном и хронологическом фоне. Мы благодарны нашим коллегам из Санкт-Петербурга, Новосибирска, Омска, Кемерово, Тюмени и Барнаула, а также из Германии, откликнувшимся на предложение принять участие в данной работе, и надеемся, что сборник станет предпосылкой новых дискуссий, которые позволят приблизиться к истине. Данное издание продолжает серию тематических сборников, публикуемых кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета и посвящается ее двадцатилетию.

Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин, А.С. Федорук
Алтайский государственный университет, Барнаул

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ
ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЖАРКОВО-3***

В специальной литературе неоднократно отмечалось огромное значение памятников эпохи поздней бронзы Кулундинской степи для реконструкции процессов культурно-исторического развития населения Южной Сибири и Центральной Азии. Особое географическое положение этого региона привело к тому, что, являясь в культурном плане восточной окраиной ареала распространения общности носителей традиции украшения керамических сосудов валиками (КВК) (Черных Е.Н., 1983, с. 82), он, одновременно, был связующим звеном между племенами Восточного и Северного Казахстана и Верхнего Приобья, Рудного Алтая и западносибирской лесостепи. Материалы, полученные исследователями в результате многолетнего изучения памятников Кулунды, позволили в общих чертах зафиксировать основные вехи культурно-исторического развития этого региона. Вместе с тем, недостаточно изученными остается ряд аспектов древней истории, особое место среди которых принадлежит проблеме культурогенеза и взаимодействия носителей различных культурных традиций бытовавших в эпоху поздней бронзы на территории Кулундинской степи. Решение этих проблем возможно только при условии достаточной степени изученности и известности широкому кругу специалистов материалов крупных и хорошо стратифицированных комплексов эпохи поздней бронзы. Одним из таких комплексов, изучение которого ведется в настоящее время, на наш взгляд, может считаться скопление памятников у с. Покровка Баевского района Алтайского края (рис. 1.- 1, 2).

Комплекс памятников находится к северо-западу от с. Покровка. Состоит из двух поселений Жарково-1, Жарково-3 и курганного могильника Жарково-2. Поселение Жарково-1 расположено в 2,3 км к северо-западу от с. Покровка, к востоку от заброшенного ныне с. Жарково, в 250 м к востоку-северо-востоку от кладбища с. Жарково, между остатками жарковского соснового ленточного бора и краем второй надпойменной террасы р. Кулунда, достигающей в этом месте высоты до 5 м от уровня поймы (Шамшин А.Б., Брусник Н.Д., 1990, с. 49; Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., Ситников С.М., 2002, с. 106; Федорук А.С., Шамшин А.Б., Иванов Г.Е., и др., 2005, с. 115; Федорук А.С., 2006, с. 80–82). На площади памятника визуально фиксируется четыре жилищные западины округлой или подовальной в плане формы площадью от 110 до

126 кв. м. Обнаружено директором покровской школы Н.Д. Брусником в середине 1980х гг. и изучалось Кулундинской археологической экспедицией АлтГУ в 1987, 1989 и 1992 гг. Раскопом, общей площадью 80 кв. м, была вскрыта часть зольника, в результате чего был получен богатый археологический материал представленный бронзовыми, костяными и глиняными изделиями (Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., Ситников С.М., 2002, с. 106). Культурная принадлежность памятника была определена исследователями как саргаринско-алексеевская. Вместе с тем, ими отмечалось наличие в коллекции фрагментов бегазы-дандыбаевской, ирменской и станковой керамики (Шамшин А.Б., Брусник Н.Д., 1990, с. 49; Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., Ситников С.М., 2002, с. 106). Памятники Жарково-2, Жарково-3 были обнаружены Кулундинским археологическим отрядом АлтГУ в 2004 г. в ходе мониторинга современного состояния поселения Жарково-1 (Федорук А.С., Шамшин А.Б., Иванов Г.Е., и др., 2005, с. 114; Федорук А.С., 2006, с. 41; Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., 2006, с. 358). Курганная группа Жарково-2 находится в бору на третьей надпойменной террасе р. Кулунда (высотой до 6 м от уровня поймы), в 0,3 км к северу от поселения Жарково-1, в 2 км к северо-западу от крайнего дома с. Покровка, около кладбища с. Жарково. Памятник состоит из семи курганных насыпей округлой в плане формы, пять из которых расположено цепочкой по линии север-юг (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., 2006, с. 358). Кроме того, два кургана фиксируются на северной периферии поселения Жарково-1 и еще два, отдельно в 0,2 км к югу от него.

Поселение Жарково-3, введению в научный оборот материалов которого и посвящена данная работа, расположено в 2,3 км к северо-западу от с. Покровка Баевского района Алтайского края, на первой надпойменной террасе р. Кулунда, высота которой достигает 3 м над уровнем поймы. На территории поселения фиксируется семь жилищных западин округлой или овальной в плане формы, размерами 100–300 кв. м, расположенных двумя рядами вдоль р. Кулунда (Федорук А.С., Шамшин А.Б., Иванов Г.Е., и др., 2005, с. 115; Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., 2006; Федорук А.С., 2006, с. 80; Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., 2007; Федорук А.С., 2007). Раскопом, заложенным в центральной части памятника, частично исследованы зольник и два жилища. Общая вскрытая площадь на сегодняшний день составляет 240 кв. м (рис. 1.-3).

Зольник, мощностью 0,4–1,0 м, представляет собой рыхлую супесь рыжеватого оттенка обильно насыщенную костями животных, фрагментами керамических сосудов и глиняных кирпичиков. Наибольший интерес представляют обнаруженные здесь скопление глиняных кирпичиков округлой формы (лепешек?) (рис. 1.-3), возможно, отходов гончарного

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ №№07-01-00527а, 09-01-60104а/Т.

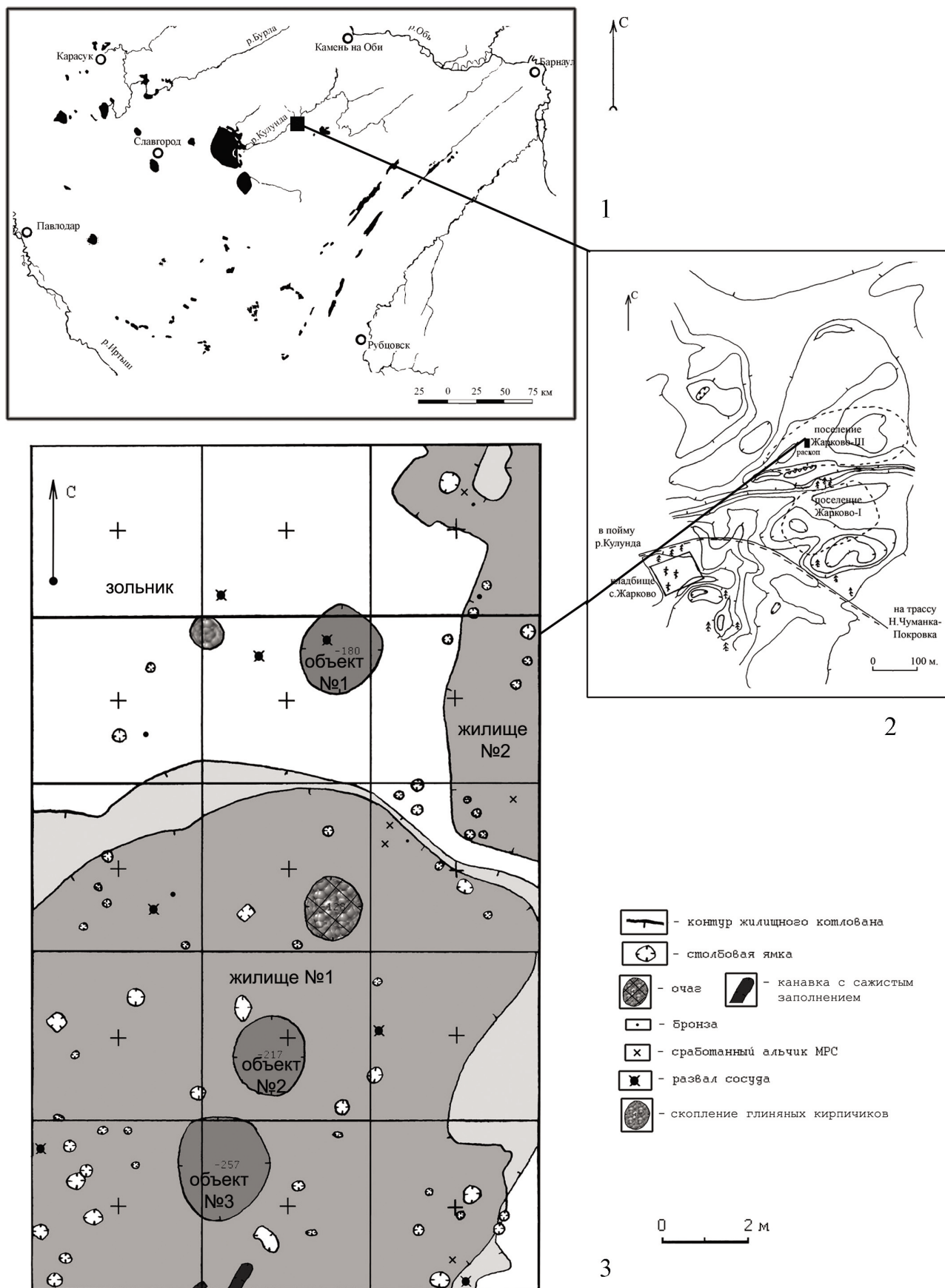

Рис. 1. Месторасположение поселений Жарково 1, 3 (1, 2) и план раскопа на поселении Жарково-3 (3)

производства (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., 2006, с. 359), два развала керамических сосудов (рис. 4.-1, 2), четыре альчика МРС со срезанными и заполированными поверхностями (рис. 2.- 6-9), а также человеческие останки и множество фрагментов керамических сосудов (рис. 4; 5; 8.-15, 16, 18-21). Подстилающая зольник погребенная почва также обильно насыщена сильнофрагментированными костными остатками животных, часть из которых находилась в слое в вертикальном положении, что, вероятно, связано с особенностями процесса формирования зольника.

В квадрате №11, рядом со скоплением глиняных кирпичиков, исследован объект №1 – яма округлой в плане формы, диаметром до 2 м. и глубиной до 1,8 м. Заполнение – супесь темного цвета с прослойками материкового песка расположенными под углом от верхних краев к центральной части дна и образовавшимися, видимо, вследствие обрушения краев ямы – обильно насыщено костями животных и фрагментами керамических сосудов (рис. 9.-3, 6). Отсюда же происходят один развал сосуда (рис. 9.-1) и фрагмент черешка кинжала (?) (рис. 3.-5). Не исключено, что данное сооружение также связано с процессом производства керамических сосудов.

Жилище №1 визуально фиксировалось на современной поверхности западиной овальной в плане формы размерами 16x11 м и глубиной до 0,5 м. В настоящее время изучено около 120 кв. м данной конструкции. Заполнение котлована, прорезающего зольник и погребенную почву, представляет собой слабонасыщенную находками твердую темную супесь мощностью до 1 м. В центральной части котлована по дну фиксируется песчаная подсыпка из материкового песка мощностью до 0,15 м, в северной – обнаружена выкладка из глиняных кирпичиков диаметром около 1 м со слабыми следами прокала. Предположительно, данная конструкция использовалась как очаг (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., 2006, с. 359). В южной части жилища изучено две канавки линзовидного сечения с насыщенным сажистым заполнением (рис. 1.-3). Возможно, это следы отопительных каналов (Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., 2007, с. 265–266). Кроме того, исследовано более 40 столбовых ямок сконцентрированных преимущественно в центральной части котлована. Их расположение не позволяет достоверно говорить о конструкции сооружения, однако, выделяющиеся в центре два ряда вертикальных ямок, идущих вдоль длинной оси котлована и отдельные скопления вертикальных и наклонных к центру ямок по его краям, позволяют предположить, что конструкция жилища базировалась на раме укрепленной в его центре. Как-либо особенностей в распространении материалов по площади жилища не зафиксировано, вместе с

тем, наблюдается незначительное увеличение их количества непосредственно на дне котлована. Здесь, у самого дна обнаружены один развал и большое количество фрагментов керамических сосудов (рис. 6; 7; 8.- 1-14, 17, 22), отлитая, но не обработанная заготовка бронзовой проколки (рис. 3.-4), один крупный фрагмент глиняного шарика (рис. 3.-6) и два сработанных альчика МРС.

На площади жилища изучено два объекта, получивших номенклатуру объект №2 и объект №3 (рис. 1.-3). Их заполнение состояло из супеси темного цвета аналогичной заполнению объекта №1. Объект №2 расположен в центральной части жилища №1. Имеет округлую в плане форму диаметром до 1,8 м и глубину до 2,17 м. Здесь найдено несколько фрагментов керамических сосудов (рис. 9.-2, 4, 5) два фрагмента каменной литейной формы (рис. 3.-1, 2). В силу сильной фрагментированности изделия судить о типе отливаемой вещи не представляется возможным. Предположительно, форма предназначалась для отливки втулки какого-то орудия. Таким образом, можно предположить, что объект №2 связан с металлургическим производством. Объект №3, подовальной формы диаметром 2,1x3 м достигает глубины 2,57 м. Заполнение объекта аналогично заполнению объекта №1. При изучении обнаружен ряд невыразительных фрагментов керамических сосудов и несколько деревянных плах беспорядочно расположенных в слое. Функциональное назначение объекта №3 не вполне ясно, возможно, это колодец.

Жилище №2 зафиксировано в северо-восточных квадратах раскопа (рис. 1.-3). Визуально не фиксировалось на поверхности. Изучен край конструкции площадью около 20 кв. м. Заполнение котлована конструкции, прорезающего погребенную почву и верхний слой материка, идентично заполнению зольника. В пределах котлована исследовано девять столбовых ямок, обнаружено несколько фрагментов керамических сосудов, существенно не отличающихся от основного комплекса зольника, два сработанных альчика МРС (рис. 2.-5), два изделия из челюсти КРС, вероятно являющимися орудиями для обработки кожи (рис. 2.-1, 2), два фрагмента плоских костяных изделий неясного назначения, одно из которых имеет пять отверстий по краю (рис. 2.-3, 4), каменный пест (рис. 3.-5), мелкий фрагмент бронзового изделия и несколько фрагментов керамических сосудов (рис. 9.-7-9).

Керамическая коллекция памятника представлена 1425 фрагментами сосудов, из них 68 фрагментов (17,2 %) происходят из области шейки сосуда, 315 (79,5%) от тулова, 13 (3,3%) от придонной части. Индекс орнаментированности комплекса составляет 21,6% (308 фрагментов). Орнамент выполнен преимущественно отрисками гладкого (23,3%), крупно-

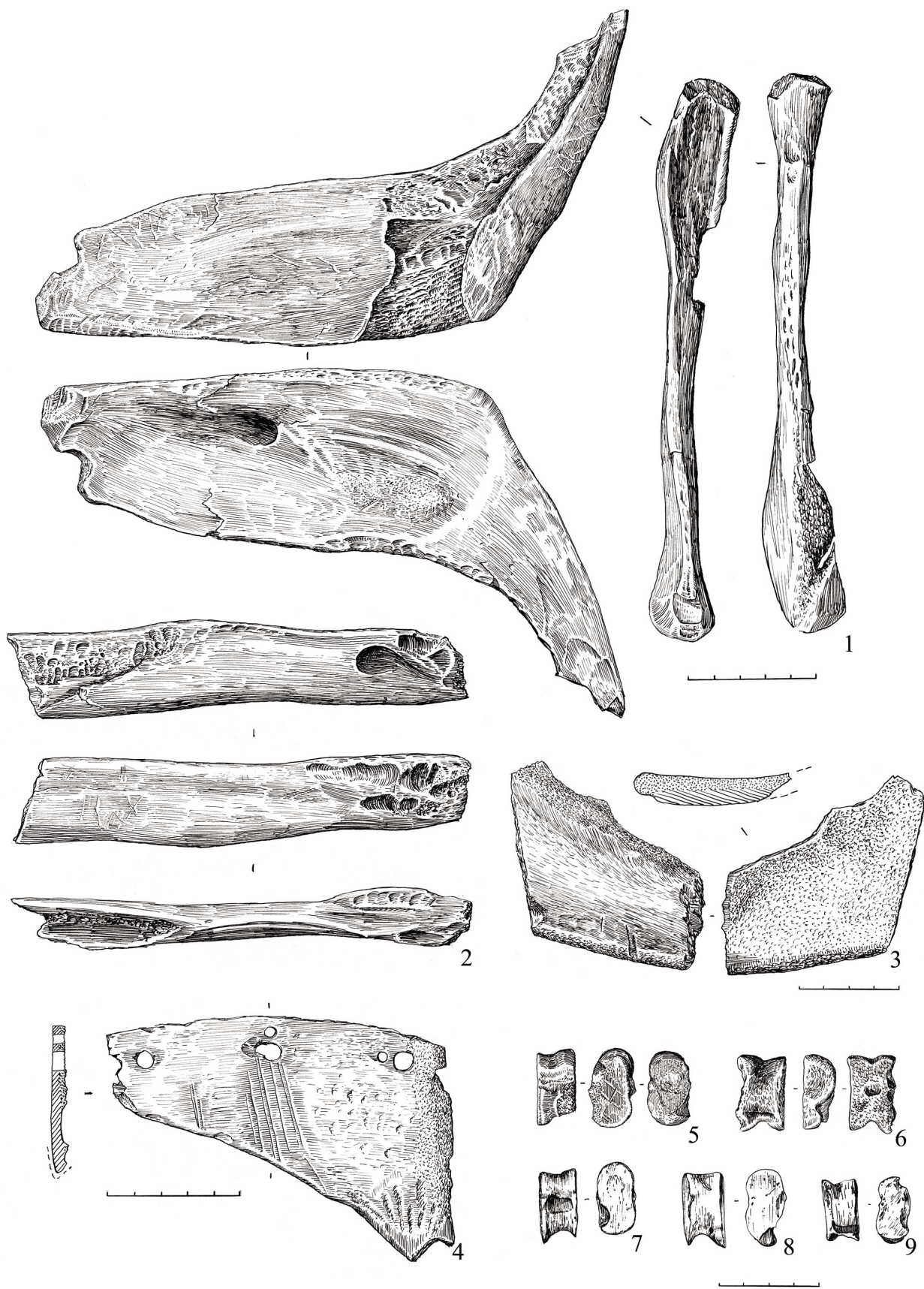

Рис. 2. Изделия из кости с поселения Жарково-3

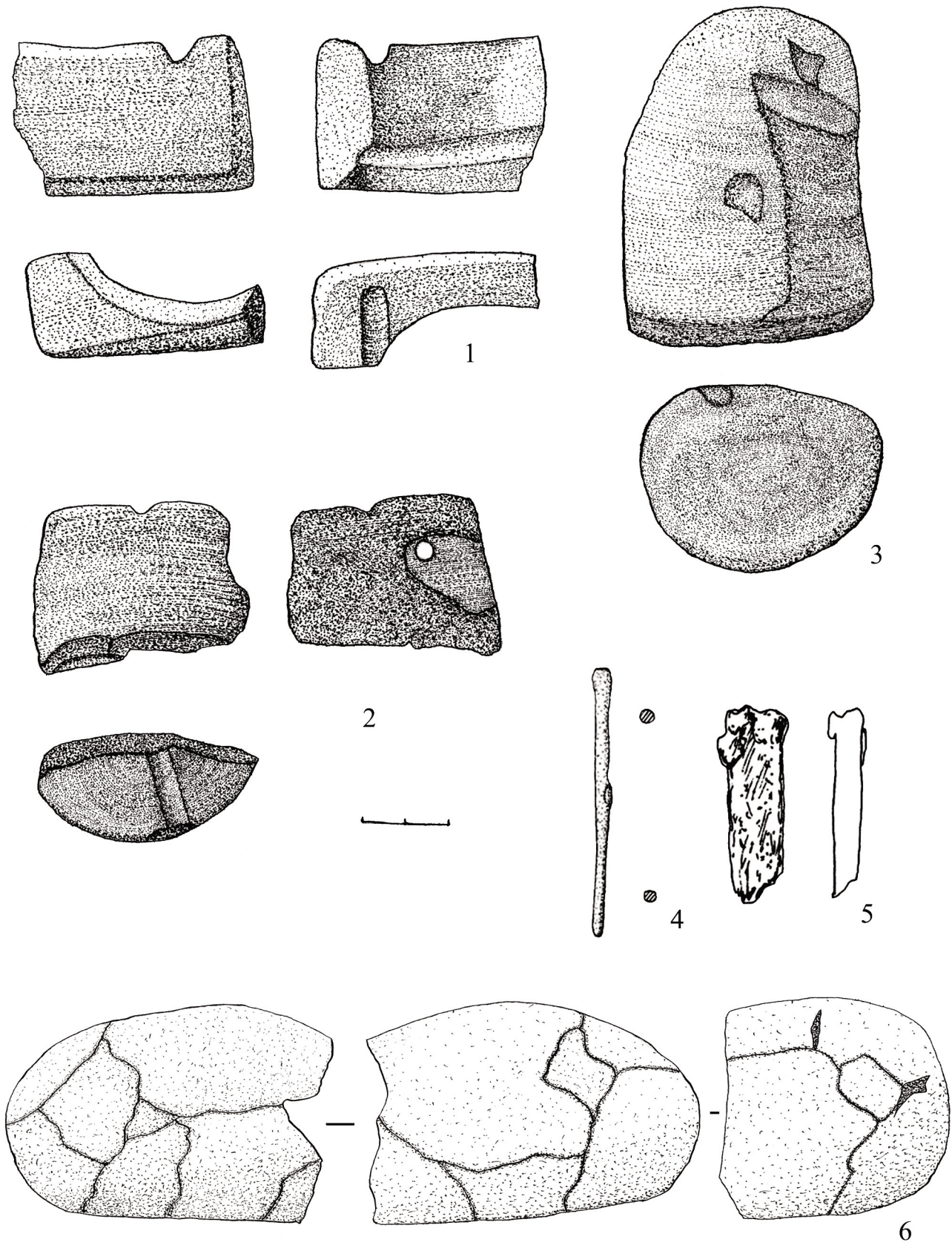

Рис. 3. Изделия из камня и бронзы с поселения Жарково-3

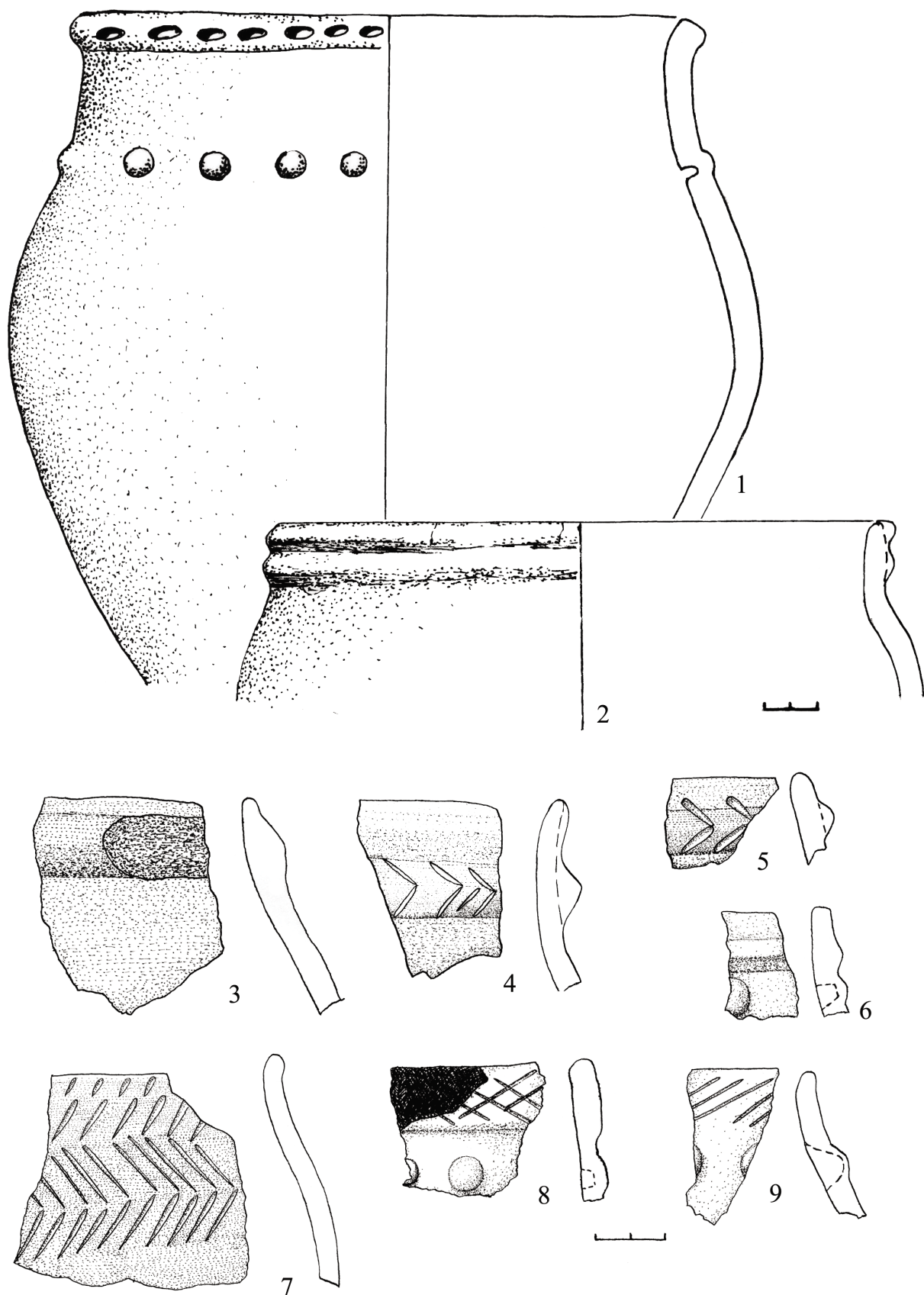

Рис. 4. Керамика из зольника поселения Жарково-3

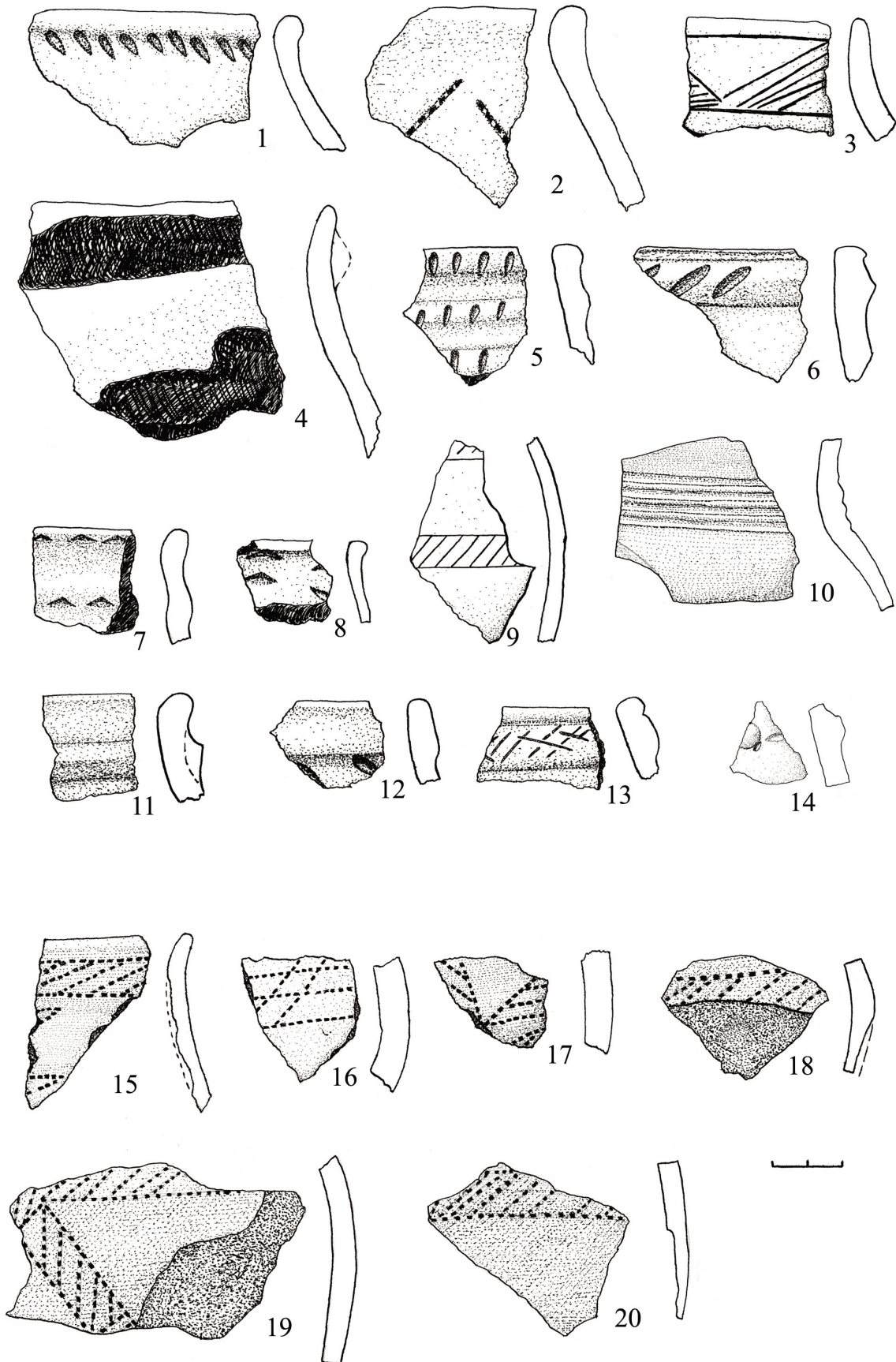

Рис. 5. Керамика из зольника поселения Жарково-3

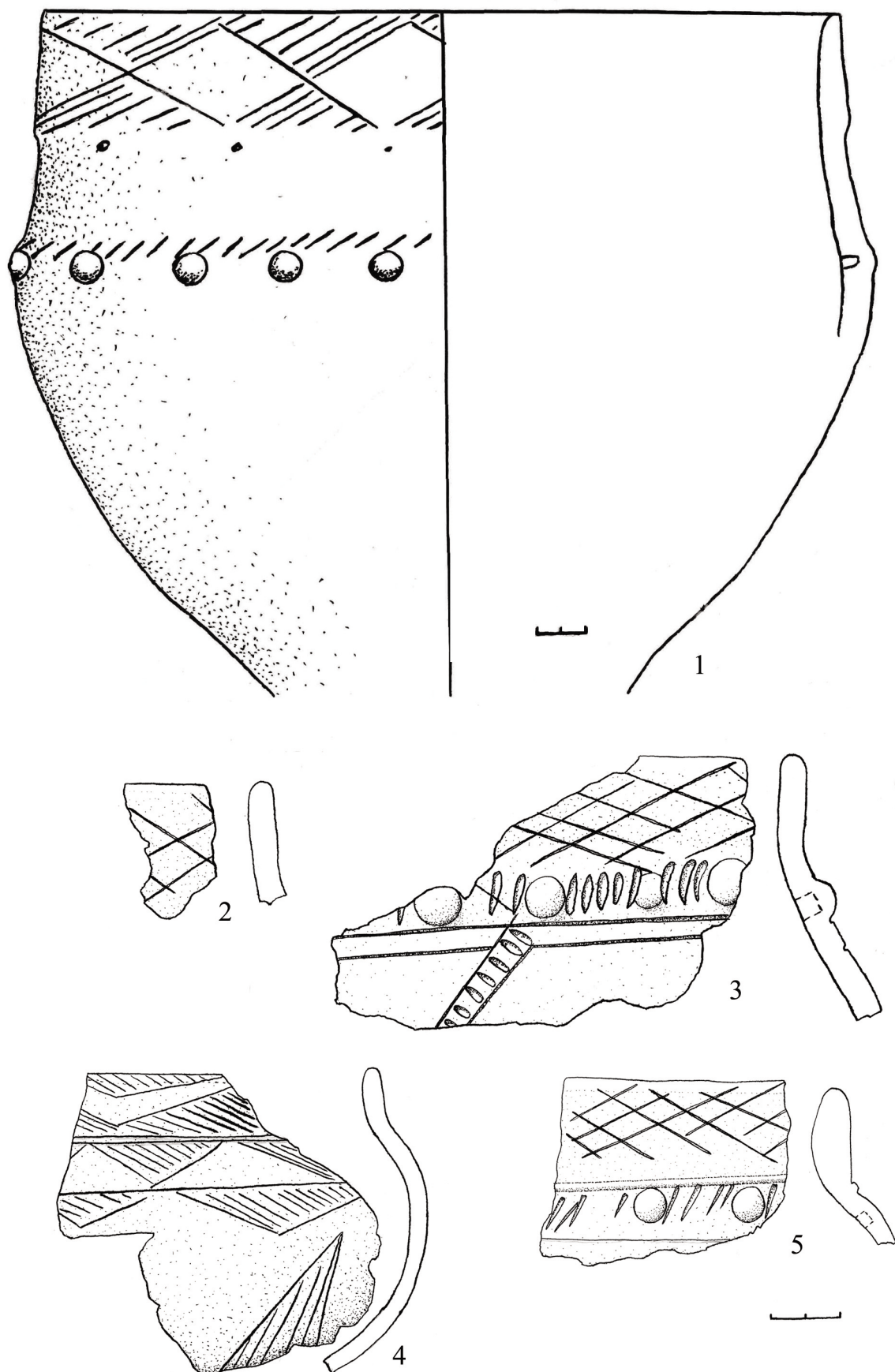

Рис. 6. Керамика из жилища №1 поселения Жарково-3

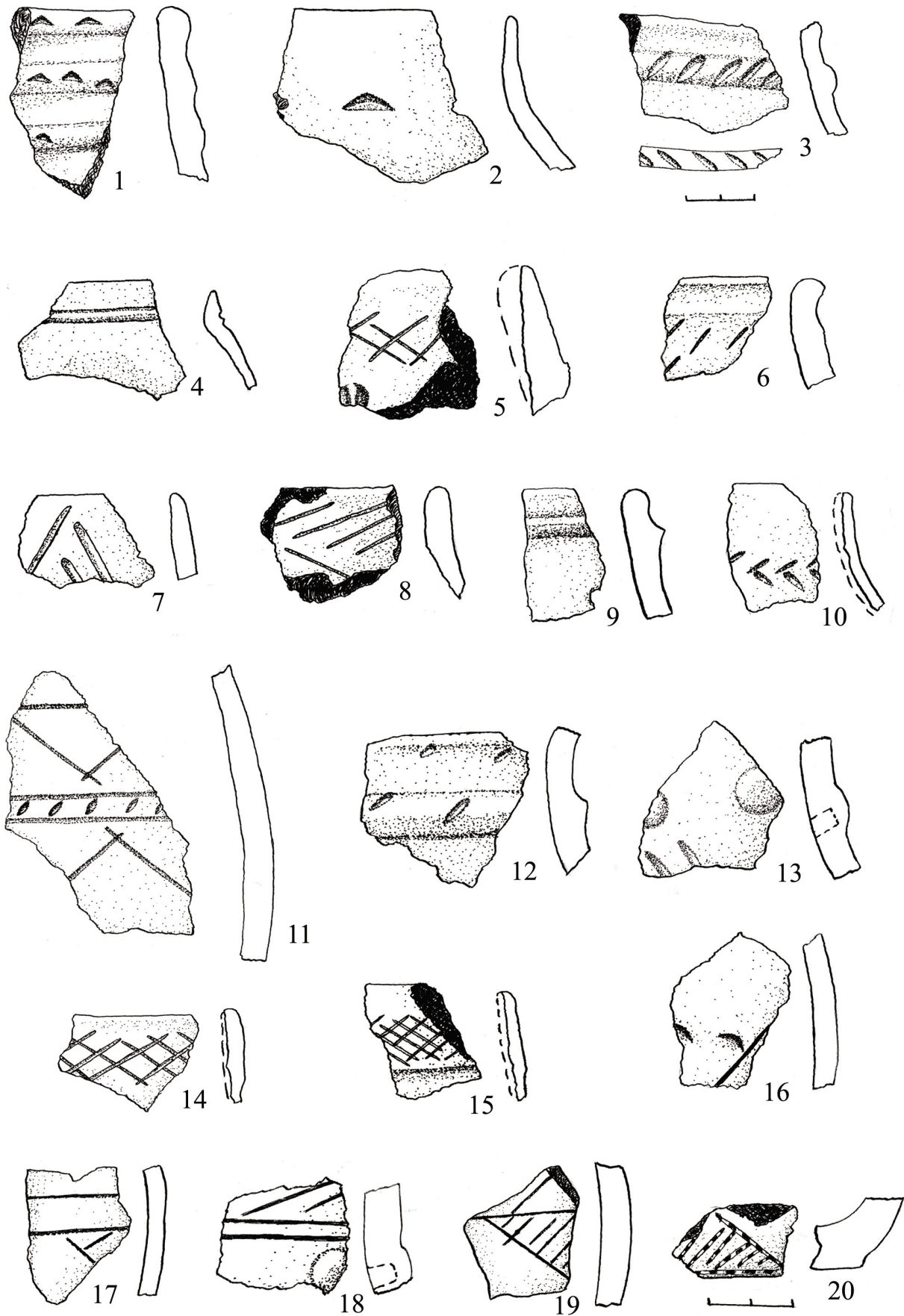

Рис. 7. Керамика из жилища №1 поселения Жарково-3

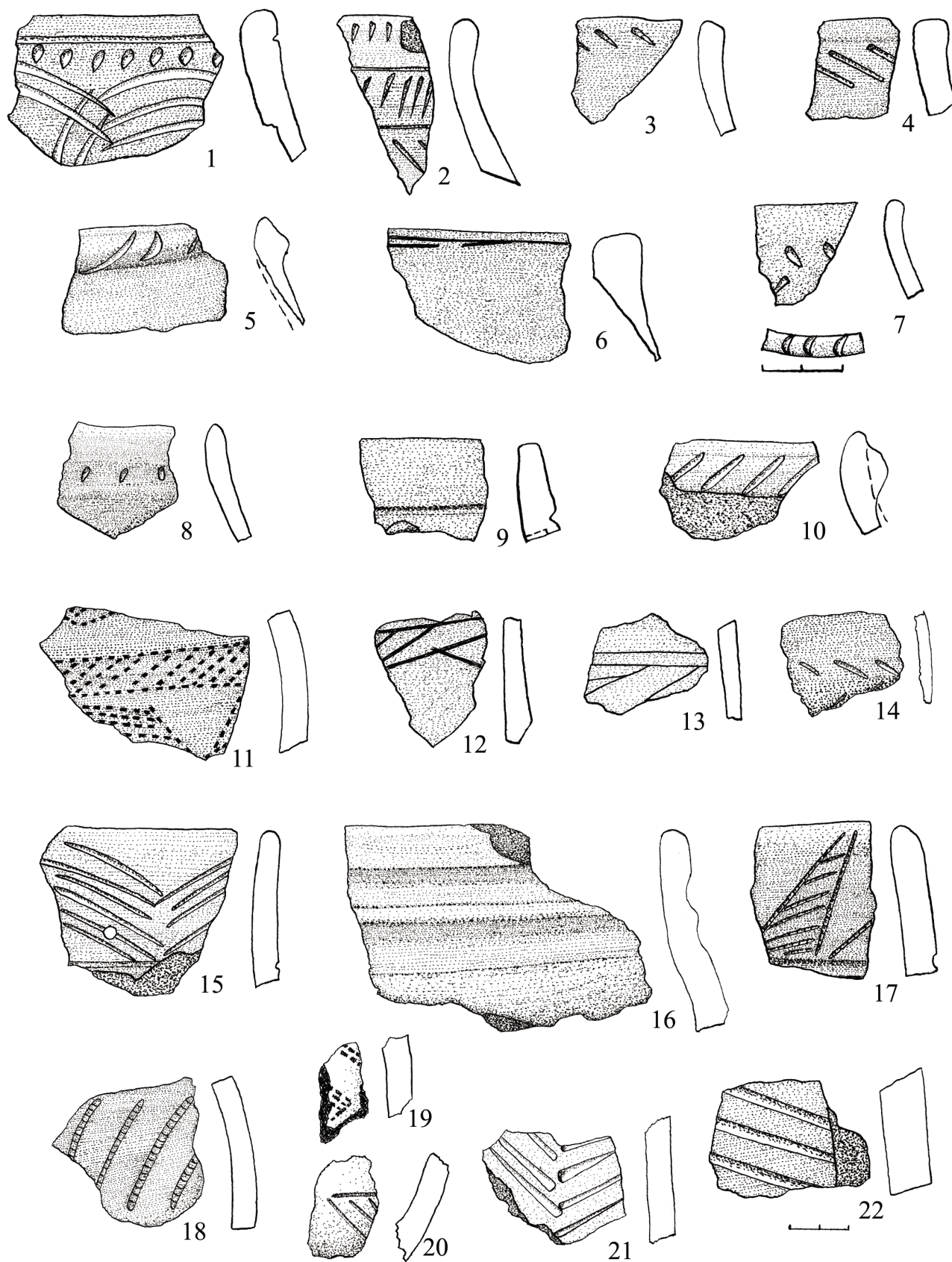

Рис. 8. Керамика с поселения Жарково-3: 1-14, 17, 22 – жилище №1; 15, 16, 18-21 – зольник

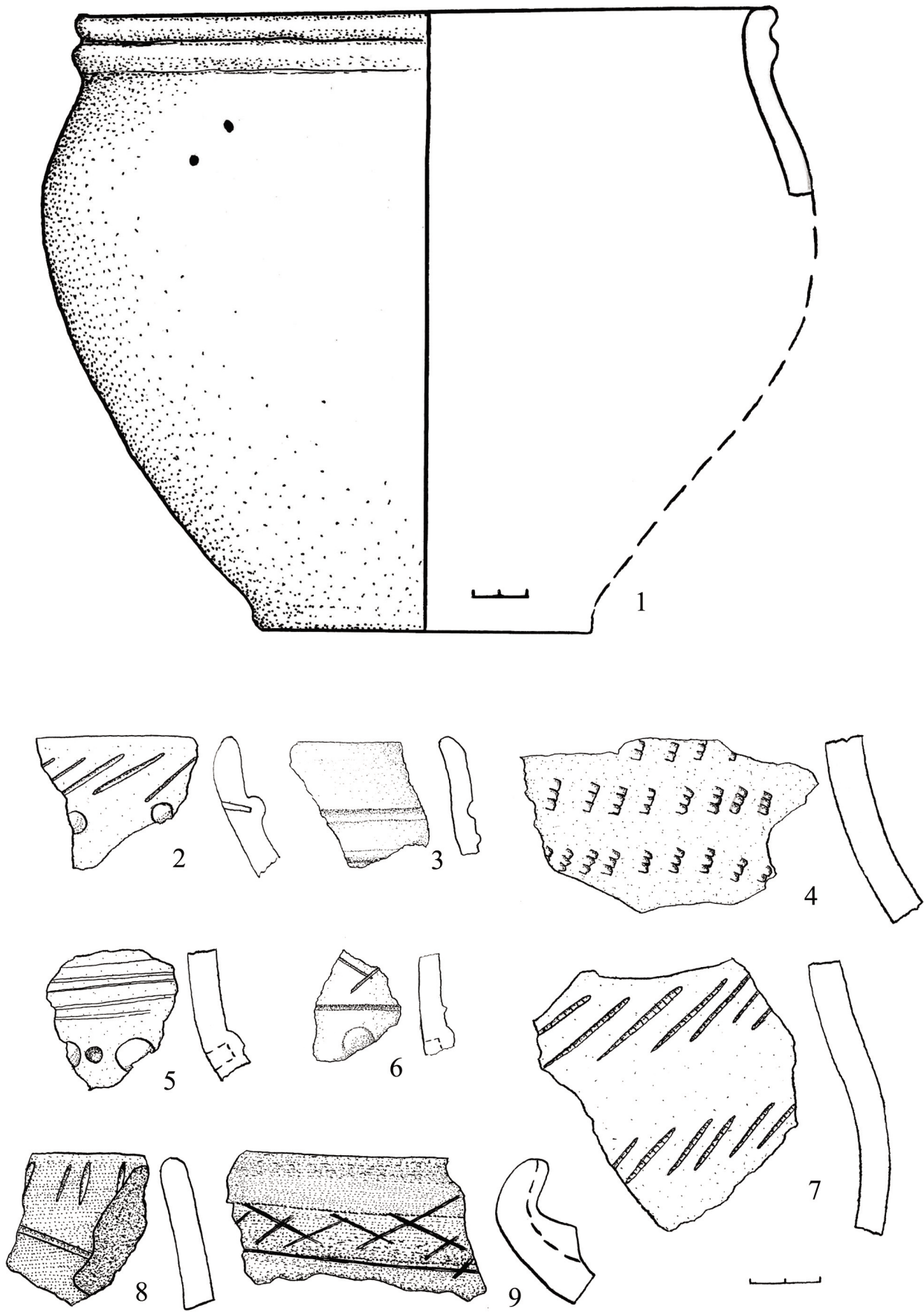

Рис. 9. Керамика с поселения Жарково-3: 1, 3, 6 – объект №1; 2, 4, 5 – объект №2; 7–9 – жилище №2

(10,9%) и среднезубого (10,4%) гребенчатого штампа или прочерчиванием (15,4%). Присутствуют также вдавления (9,9%), каннелирование (6,0%), резная (5,7%) и другие техники. Наиболее часто употребляемыми элементами орнамента являются пояски (25,5%), различные линии (13,7%) и геометрические фигуры (12,5%). Кроме того, присутствуют елочка (9,1%), каннелюры (8,1%), валики, жемчужник (по 6,1%) и прочие. Анализ коллекции зольника и жилища №1 показал, что в зольнике наиболее часто употребляемыми техниками орнамента являются гладкий штамп (27,1%), прочерчивание (13,9%), крупно- и среднезубая гребенка (по 12,4%). Наиболее распространены пояски (18,3%), линии (16,3%), елочка (10,6%) и геометризмы (10,6%). В заполнении жилища №1 преобладают фрагменты декорированные гладким штампом (30,7%), среднезубой гребенкой (12,4%), прочерчиванием (11,8%) и резной техникой (11,2%). Наиболее часто используемые в декоре керамики из жилища №1 элементы орнамента – пояски (29,9%), линии (14,6%) и геометризм (12,9%).

В культурном плане керамические материалы представлены фрагментами андроновской (федоровской) (рис. 8.- 15-22), саргаринско-алексеевской (рис. 4.- 1-3, 6-9; 5.-1, 2, 4, 12-14; 7.- 2-7, 10, 13-16; 8.- 2-9, 14; 9.-2, 5, 6), донгальской (рис. 4.-4, 5; 5.-6, 11; 7.-9, 12; 9.-9) и ирменоидной (рис. 5.-3, 9; 6; 7.-8, 11, 17-19; 8.- 12, 13) посуды. Обнаружено также восемь фрагментов бегазы-дандыбаевских сосудов (рис. 5.- 15-20; 8.-11) (семь из них происходят из зольника, один – обнаружен в жилище №1 у стенки) и два фрагмента сильнопрофилированных тонкостенных лощеных горшков (рис. 5.-10) орнаментированных узкими каннелюрами в зоне перехода от шейки к плечикам (один найден в жилище №1, второй происходит из сборов). Следует также отметить, что по наблюдениям Н.Ф. Степановой в коллекции памятника присутствуют фрагменты изготовленные различными мастерами, что отразилось в особенностях формовочных масс (использование шамота или дресвы или их сочетания) и технологии обработки поверхности сосудов и т.д. Подобная ситуация свидетельствует о тесных контактах жителей поселка с населением сопредельных территорий.

Наличие фрагментов литейных форм, сработанных альчиков МРС, применявшихся по наблюдениям исследователей в качестве орудий для послелитейной доводки изделий из бронзы (Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С., 1997), отлитой, но не доработанной проколки, и, отчасти, песта, с достаточной долей уверенности позволяет говорить о том, что население поселка обладало навыками производства бронзовых изделий.

Особый интерес представляет стратиграфия памятника и данные радиоуглеродного датирования, позволяющие проследить внутреннюю хронологию функционирования изученного участка памятника. Так радиоуглеродный анализ образцов подстилающей зольник погребенной почвы позволил получить следующие некалиброванные даты ее формирования: СОАН (6770) – 3855 ± 120 лет, СОАН (6771) – 4025 ± 120 лет.

Стратиграфические наблюдения позволяют предполагать, что хронологически наиболее ранним объектом является жилище №2. В период формирования зольника оно, видимо, уже не функционировало, что привело к тому, что его котлован был полностью засыпан золой, поэтому не читался на современной поверхности. Время функционирования зольника вероятнее всего относить к периоду существования поселения Жарково-1, территория которого частично или полностью включала площадь поселения Жарково-3, что подтверждается хронологической однородностью их материалов. Появление жилища №1, в свою очередь, связано с более поздним временем, когда зольник уже не использовался.

Таким образом, материалы памятника позволяют датировать его эпохой развитой – поздней бронзы (XIV–VIII вв. до н.э.). Абсолютное преобладание позднебронзовой керамики свидетельствует о том, что расцвет поселения приходится на заключительный этап эпохи бронзы.

При определении места поселения в кругу единовременных ему памятников Кулунды важнейшее значение имеют следующие факторы: наличие планиграфической организации площади поселения (жилища сгруппированы двумя рядами), мощного и насыщенного находками зольника, длительное время функционирования поселения, о чем свидетельствуют материалы, мощность слоя и факт прорезания жилищем №1 зольника, а также местное производство бронзовых орудий. Совокупность этих фактов ставит поселение Жарково-3 в один ряд с крупнейшими хозяйственно-культурными центрами степного региона, такими как поселение Рублево-VI (Папин Д.В., 2003; Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., 2006) и делает перспективным его дальнейшее исследование, предусматривающее продолжение изучения жилищ и зольника, соотнесение их материалов как друг с другом, так и с коллекциями других памятников, а также выяснение связи памятников Жарково-1, Жарково-2 и Жарково-3 между собой. Не исключено, что дальнейшее исследование позволит выяснить, что объекты Жарково-1 и Жарково-3 являются разными участками одного памятника, возможно, отражающими различные этапы его функционирования.

Литература

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII. Ч. I. С. 358–360.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С. Исследования поселения Жарково-3 в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII. С. 264–267.

Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С. Орудия металлообработки эпохи бронзы // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 76–79.

Папин Д.В. Хозяйственно-культурный центр как отражение определенного уровня развития древнего общества // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). Кемерово: Изд-во КемГУ, 2003. С. 34–38.

Федорук А.С. Результаты археологического обследования районов центральной и южной Кулунды в 2005 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае

(археология, этнография, устная история) 2005 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. Вып. 2. С. 80–84.

Федорук А.С. Результаты археологических исследований в Баевском, Михайловском и Усть-Пристанском районах Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. Вып. 3. С. 40–43.

Федорук А.С., Шамшин А.Б., Иванов Г.Е., Цивцина О.А., Раиткин С.С. Памятники эпохи поздней бронзы Кулунды (по материалам разведки 2004 года) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае (археология, этнография, устная история) 2004 г. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. Вып. 1. С. 113–116.

Черных Е.Н. Проблемы общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 81–99.

Шамшин А.Б., Брусник Н.Д. Новые материалы эпохи поздней бронзы из Кулунды // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 49–51.

Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., Ситников С.М. Поселение Жарково-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Б.и., 2002. Вып. 4. С. 106–113.